

Самохин Константин Владимирович

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской модернизации во второй половине XIX – первые годы XX века. Автор ставит в качестве основной цели анализ влияния Крымской войны на переход Российской империи от аграрного общества к индустриальному. Акцентируется внимание на необходимости органичности модернизационных процессов в России как залого их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Восточная война 1853-1856 гг. существенно повлияла на продолжение экономической модернизации, дала толчок к развитию социальной мобильности и урбанизации, но слабо сказалась на процессах становления индустриального общества в России в политическом и духовном плане.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/5/48.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 149-155. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Необходимо отметить, что границы этапов и уровней формирования исследовательской активности открыты, подвижны и индивидуальны.

Формирование исследовательской активности начинается с определения наличного уровня компетентности каждого студента и разработки индивидуальной траектории исследовательского саморазвития.

Результаты исследования показали, что успешность и эффективность процесса формирования исследовательской активности у студентов педагогического вуза на всех этапах обеспечиваются при соблюдении следующих условий: ориентация подготовки студентов на повышение уровня исследовательской компетентности; оперативное информирование о достижениях в области методологии науки, дидактики, методики, педагогики и психологии; знакомство и освоение инновационных обучающих технологий; апробация и внедрение в практическую деятельность результатов педагогических исследований; свобода выбора программ, дидактических средств и научно-методического обеспечения: учебников, методических пособий и т.п.; мониторинг процесса формирования исследовательской активности студентов, результативности их профессионально-ориентированной исследовательской деятельности; эргономический подход к процессу формирования исследовательской активности студентов, сущностью которого, по мнению Е. В. Ворониной, является обеспечение функционирования системы «педагог – обучающийся – средства обучения – учебная предметная среда» [2, с. 23]; организация непрерывной профессионально-ориентированной исследовательской практики студентов; включение студентов в инновационную деятельность вуза с учётом возможностей и с опорой на их личностно-творческий потенциал.

Названные выше условия могут быть созданы и успешно реализованы, если «будет активизирующая инновационная образовательная среда учебного заведения; свобода в выборе пути преобразования педагогической действительности; наличие доброжелательного микроклимата, способствующего личностному росту всех участников профессионально-ориентированной исследовательской деятельности» [3, с. 97].

Итак, исследовательская активность – это новое качество личности педагога в структуре современных представлений о его профессионализме и ведущий критерий качества современного образования.

Список литературы

1. Ведерникова Л. В., Поворознюк О. А. Система организации научно-исследовательской работы студентов педагогического вуза // Педагогическое образование и наука. 2009. № 1. С. 57-60.
2. Воронина Е. В. Педагогическая эргономика как отрасль науки // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5 (5). Ч. 3. С. 23-24.
3. Кунгурова И. М. Инновационная деятельность и творческое саморазвитие педагога // Педагогическое образование и наука. 2010. № 5. С. 94-97.
4. Скотникова А. М. Психологическая структура и типы исследовательской позиции: автореф. дисс. ... к. психол. н.: 19.00.01. М., 2008. 24 с.
5. Шурьгина Ю. А. Организация профессионально-ориентированной исследовательской деятельности как фактор профессионального становления студентов педагогического вуза: автореф. дисс. ... к. пед. н.: 13.00.08. Пенза, 2011. 23 с.

УДК 1:3+1:93

Философские науки

Статья посвящена исследованию военного фактора как механизма российской модернизации во второй половине XIX – первые годы XX века. Автор ставит в качестве основной цели анализ влияния Крымской войны на переход Российской империи от аграрного общества к индустриальному. Акцентируется внимание на необходимости органичности модернизационных процессов в России как залого их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Восточная война 1853-1856 гг. существенно повлияла на продолжение экономической модернизации, дала толчок к развитию социальной мобильности и урбанизации, но слабо сказалась на процессах становления индустриального общества в России в политическом и духовном плане.

Ключевые слова и фразы: Крымская война; модернизация; Россия; механизм российской модернизации; органичность российской модернизации; военный фактор; Александр II; Александр III; пореформенный период.

Самохин Константин Владимирович, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
kon-sam@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД[©]

В 1985 г. Советский Союз оказался в начале нового периода своего развития, который необходимо охарактеризовать как переломный, так как ощущалась потребность кардинальной перестройки всех сфер жизнедеятельности тогдашнего российского общества. Советская система, формировавшаяся на протяжении почти 70 лет, стала довольно часто давать сбои, что было свидетельством её определенной несостоятельности в соревновании со-

циалистического и капиталистического строя, ярко проявившемся во второй половине XX века в виде «Холодной войны». Основные критерии, по которым советский вариант общественного развития проигрывал западной модели, группировались в областях технического прогресса и жизненных стандартов населения [4, с. 22].

Главным фактором, определившим неудачный ход развития событий в период «перестройки», было отсутствие чёткого продуманного плана необходимой реорганизации [1, с. 41]. В начале 1990-х гг. эта мысль становилась очевидной, но разработать научно обоснованный и эффективный проект реформ на этом этапе так и не удалось [4, с. 23]. Итогом пятнадцатилетнего периода трансформации советской системы в «перестроечное» и «постперестроечное» время стал вывод о необходимости выработки обоснованного стратегического плана преобразований. Указанное положение явилось объединяющим началом для российских учёных-теоретиков [3; 4] и политиков-практиков на рубеже XX-XXI веков, о чём свидетельствует выбор В. В. Путиным стратегии модернизации в качестве основного курса реформ на второй срок своего президентства [12].

Сама теория модернизации, сформулированная американскими учеными в 1960-е гг., была уже достаточно популярной в отечественной научной среде, начиная с конца 80-х гг. прошлого столетия, в связи со сменой исторической парадигмы [18, с. 180]. Политическая конъюнктура ещё больше подогрела интерес к этой теории в следующие два десятилетия, что привело к большому количеству исследований, связанных с различными аспектами модернизационных процессов, а это, в определённой степени, является доказательством научной состоятельности и актуальности указанной концепции.

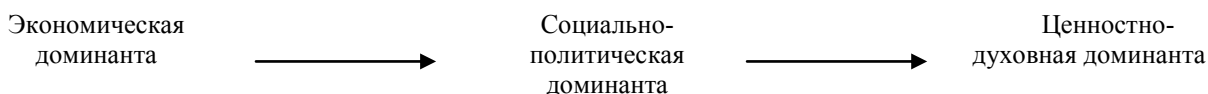
Теоретическое изучение модернизации предполагает, в том числе, и анализ её исторических реалий, так как они могут помочь выявить возможные причины успешности или неуспешности выбранной в 2000-е гг. стратегии развития Российской Федерации.

Сам термин «модернизация» понимается нами как переход от аграрного общества к индустриальному, который носит комплексный характер и имеет место во всех сферах жизнедеятельности общества: в экономике намечаются основы построения рыночной системы и индустриализация; в социальной сфере присутствуют рост социальной мобильности и урбанизация; в политике происходит складывание гражданского общества и правового государства; духовная сфера характеризуется возникновением мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях [12].

В качестве начала реализации модернизационных процессов необходимо указать XVIII век, а конкретно реформы Петра I и его преемников, в том числе и преобразования Екатерины II. Однако всё это столетие, а также половина следующего ознаменовались преимущественным развитием модернизации в экономике, в то время как оставшиеся три сферы жизнедеятельности общества демонстрировали либо начальный уровень, либо принципиальное отсутствие перехода Российской империи от аграрного общества к индустриальному [16-18]. Указанные тенденции обусловили неорганичный характер российской модернизации, что стало главной причиной её проблематичного характера [8, с. 47].

Основным фактором, который предопределил вступление России на путь модернизационных преобразований и постоянно удерживал её в данном русле на протяжении XVIII-XX веков, были войны. Последние играли, пользуясь терминологией А. Дж. Тойнби, роль «Вызова» к российской (славянской) цивилизации в указанном аспекте [20, с. 250-255]. Ярким доказательством тому являются Северная война и Наполеоновские войны [17; 18].

В дополнение ко всему вышесказанному необходимо подчеркнуть, что модернизация Российской империи подчинялась логике смещения вектора модернизационных процессов от экономической сферы к духовной [13]:

Для полноты картины необходимо указать ещё одну тенденцию в развитии российских модернизационных процессов: различные революционные и социальные потрясения играли роль своеобразного «ингибитора» при переходе России от аграрного общества к индустриальному в XIX веке [17].

Основной целью данной статьи является анализ развития Российской империи в пореформенный период под влиянием Восточной войны 1853-1856 гг., исходя из заявленной концепции российской модернизации.

Крымская война, являвшаяся одним из этапов в ходе русско-турецкого противостояния в XVIII – начале XX века, имеет существенное отличие от большинства русско-турецких войн указанного периода. Главным противником Российской империи в ней следует видеть не Турцию, а Великобританию и Францию, что в принципе позволяет характеризовать её как «Вызов» западной цивилизации, уже прошедшей модернизацию, к российской (славянской). Восточная война 1853-1856 гг. имела ещё две необходимые черты для подобной интерпретации: 1) региональный масштаб боевых действий и 2) общее, итоговое поражение России. Из крупнейших военных конфликтов второй половины XIX века с участием Российского государства можно выделить ещё русско-турецкую войну 1877-1878 гг. и присоединение Средней Азии к России, но они проходили без активного вмешательства западноевропейских держав, носили локальный характер и закончились победой Российской империи, потому влияния на процессы российской модернизации не оказывали [15].

Известный военный историк Керсновский связывал поражение в Крымской войне, в первую очередь, с неверной политикой Священного союза, нерешительностью действий Николая I во внешней политике накануне войны и во время военной кампании 1853 г., а также некачественным командованием русскими войсками в период боевых действий [5, с. 153-160]. Но общая отсталость Российской империи, в сравнении с промышленным

и техническим превосходством Великобритании и Франции, тоже не должна сбрасываться со счетов [21, с. 129]. «Но хотя у Николая Павловича вообще армии было около миллиона человек, мы не могли справиться с этими семьюдесятью тысячами – отчасти благодаря хаотическому состоянию военного хозяйства и отсталости нашего вооружения, отчасти благодаря отсутствию удобных путей сообщения, отчасти благодаря поразительному отсутствию подготовленных и привыкших к самостоятельному ведению дела военных вождей и генералов», – такой вердикт вынес на этот счёт известный исследователь российской истории XIX века А. А. Корнилов [7, с. 200].

Одной из главных проблем, которые обусловили неорганичный характер перехода Российского государства от аграрного общества к индустриальному, было наличие крепостного права. Оно было центральным фактором, сдерживающим модернизационные процессы в экономике и социальной сфере на протяжении XVIII-XIX веков. Но если построение основ рыночной экономики и начало индустриализации ко второй половине XIX века уже получили своё развитие в результате, в первую очередь, Северной войны, то уровень социальной мобильности и урбанизации в Российской империи к окончанию правления Николая I необходимо оценить как очень низкий.

Вопросы социальной модернизации Российского государства в пореформенный период уже исследовались нами ранее [19], потому, не вдаваясь в тонкости указанного аспекта, можно отметить, что итогом уничтожения крепостных отношений стало ускорение процессов социальной мобильности и урбанизации в России. Но этому способствовала не только ликвидация крепостничества, а также вызванные ею дальнейшие либеральные реформы 1860-х – 1870-х гг. [7, с. 256-263]. Именно комплекс преобразований, в который входили, кроме крестьянской реформы 1861 г., ещё и земская, и судебная реформы 1864 г., реформа городского самоуправления 1870 г., военная реформа 1874 г., явился главенствующим фактором в деле ускорения темпов социальной мобильности и урбанизации. Однако эта перестройка различных сторон жизнедеятельности общества привела к уничтожению государственного и частного видов крепостного права, корпоративный же сохранялся в своей основе для большинства российского населения вплоть до начала XX века и значительно замедлил наметившиеся процессы.

Вторая половина XIX века ознаменовалась исчезновением сословных привилегий в российском обществе и постепенным переходом от сословной структуры к классовой. Уровень социальной мобильности в этот период существенно повысился. Об этом свидетельствуют увеличение численности дворянства и городского сословия и уменьшение доли духовенства и крестьянства в социальном составе российского населения [10, с. 137, 141].

В развитии указанной тенденции параллельно можно выделить процесс урбанизации, но его уровень был крайне медленным. Причинами этого являлись сохранение крестьянами после реформы 1861 г. определённого земельного фонда, рассеянный характер российской индустриализации, а также особенности приобретения сельскими поселениями статуса города (не в результате достижения определенных количества населения, уровня промышленного и торгового развития, а по правительственному указу) [Там же, с. 317-318]. Здесь ещё следует отметить и особые условия проведения крестьянской реформы 1861 г.: освобожденные крестьяне не имели права в течение первых девяти лет отказаться от своего надела (временнообязанное состояние); сохранение корпоративного крепостного права через существование подушной подати, гарантом взимания которой служили круговая порука и паспортная система (фактически консервировавшие крестьянскую общину) [7, с. 224-225].

Таким образом, можно говорить применительно ко второй половине XIX века об ускорении процессов социальной мобильности и урбанизации в Российской империи, которые являются главными компонентами социальной модернизации. Это было связано с отменой государственного и частного видов крепостного права, сохранение же корпоративных крепостных отношений замедляло построение основ индустриального общества в России в социальном плане по сравнению с ведущими западными державами.

Влияние Восточной войны на процесс экономической модернизации России нельзя оценить однозначно. В период ведения боевых действий и первые годы после заключения Парижского мирного договора наблюдалось определённое оживление в экономическом развитии, связанное с необходимостью военных поставок. Но оно вскоре сменилось кризисом, обусловленным двумя причинами: 1) «...коммерческая и промышленная деятельность развивались вдруг чрезвычайно сильно – сильнее, чем это отвечало потребностям и реальным возможностям данного момента»; 2) общий мировой промышленный кризис 1857-1858 гг. [Там же, с. 244-245].

Финансовая сфера, в целом, нуждалась в реформах, так как была расстроена ведением серьёзных и относительно затяжных военных действий. Итогом стали преобразования В. А. Татищева 1862-1866 гг., касавшиеся в основном административных моментов в управлении финансами [Там же, с. 250]. К непосредственному восстановлению экономики после окончания войны приступил новый министр финансов М. Х. Рейтерн. Его попытка стабилизировать и повысить курс национальной валюты монетарными методами закончилась неудачей, потому он приступил к решению этой проблемы через организацию крупного железнодорожного строительства. На первых порах оно шло с широким привлечением частных и иностранных капиталов, а затем опиралось в основном на государственное финансирование [Там же, с. 283-287]. Данные меры привели к подъёму промышленного производства и во многом обусловили завершение промышленного переворота в России в 80-е гг. XIX века [21, с. 150]. Необходимо отметить, что строительство железных дорог как доминирующее направление экономического развития Российской империи было выбрано в этот момент не случайно. Нехватка транспортных путей и средств перемещения грузов, в частности военных, стала одной из главных причин поражения в Крымской войне. Указанные тенденции развития российской экономики повлекли за собой и необходимость развития кредитной системы в стране, что привело к формированию банковского сектора в

60-е – 70-е гг. XIX века [Там же, с. 153]. Параллельно Рейтерн сумел решить и проблему бюджетного дефицита, но русско-турецкая война 1877-1878 гг. свела его усилия в этом отношении на нет [7, с. 288].

Дальнейшая модернизация российской экономики была связана с деятельностью Н. Х. Бунге, назначенного министром финансов в 1881 г. К его наиболее важным мерам следует отнести податную реформу, проявившуюся в снижении выкупных платежей и отмене подушной подати, учреждение Крестьянского и Дворянского банков, разработку фабричного законодательства. Однако эти меры привели к бюджетному дефициту – проблеме, которую пришлось решать его преемникам [Там же, с. 399-402].

И. А. Вышнеградский, возглавивший министерство финансов после отставки Бунге, смог сгладить проблему дефицита государственного бюджета; заложил основы для денежной реформы, осуществленной впоследствии Витте; проводил жёсткую политику протекционизма через введение в 1891 г. нового таможенного тарифа [Там же, с. 411-412].

Наконец, на рубеже XIX-XX веков центральное финансовое ведомство страны перешло под управление С. Ю. Витте. Одной из главных заслуг последнего стала стабилизация национальной валюты, которая была достигнута через реализацию в 1897 г. денежной реформы, выразившейся во введении золотого стандарта. Витте добился увеличения доходов государственной казны через введение винной монополии государства в 1895 г. Не обошёл своим вниманием новый министр финансов и продолжение железнодорожного строительства, ярким свидетельством чего стало завершение Транссиба (в целом, за время его управления финансами было построено около 25 тыс. вёрст железных дорог) [21, с. 157-158].

Однако следует отметить достаточно медленный рост промышленного производства в стране на протяжении практически всей второй половины XIX века. Непосредственно после отмены крепостного права это было связано с тем, что большое количество фабрик основывалось преимущественно на посессионном принципе. Потому крестьянская реформа 1861 г. привела даже к определённому снижению промышленного производства [7, с. 281-282]. Позже в качестве причины относительно сложного развития промышленности, а вместе с ней и торговли, на первый план выдвинулось сохранение корпоративного вида крепостного права у помещичьих крестьян и незавершённость крестьянской реформы 1861 г. [21, с. 143]. Лишь только перевод крестьян на обязательный выкуп в 1893-1895 гг., а также понижение выкупных платежей привели к бурному росту промышленного сектора экономики. Об этом свидетельствуют промышленный подъём 1890-х гг. и существенный рост урбанизации именно на рубеже XIX-XX веков [Там же, с. 147-150].

Аналогичные тенденции можно зафиксировать и в развитии сельского хозяйства: «И всё же в 1880-1890-е гг. рыночные отношения проникали и в аграрный сектор. Это было заметно по нескольким признакам: происходила социальная дифференциация крестьянского населения, менялась суть помещичьего хозяйства, усиливалась ориентация специализированных хозяйств и регионов на рынок» [Там же, с. 143]. Имущественное расслоение характеризовалось, прежде всего, появлением зажиточных слоёв крестьянства – так называемых «кулаков». Определённая часть бедного крестьянства, связанная в первую очередь с промыслами, «раскрестьянивалась», создавая, тем самым, рынок свободной рабочей силы для кулаков и промышленников. Зажиточные крестьяне нуждались в сельскохозяйственной машинной технике, удобрениях, что всё больше увеличивало степень товарности сельского хозяйства.

Отмена крепостного права повлияла и на помещичьи имения. Потеря дешевой рабочей силы приводила их преимущественно к двум возможным вариантам развития: переход на рыночные методы хозяйствования либо продажа дворянами имений тем же разбогатевшим крестьянам. И тот, и другой варианты способствовали развитию рыночных отношений в сельском хозяйстве. Однако выделенные тенденции были сильно замедлены сохраняющимися выкупными платежами и общинной основой крестьянской жизнедеятельности [Там же, с. 143-145].

В целом, следует отметить относительно успешное продолжение экономической модернизации России во второй половине XIX – первые годы XX века. Однако этот процесс имел сдержанный характер, связанный с половинчатостью отмены крепостного права, проявившейся в длительном существовании выкупных платежей и корпоративных крепостных отношений. Рубеж XIX-XX веков стал поворотным моментом в складывании основ индустриального общества в Российской империи в экономическом плане, но Российское государство начала предыдущего столетия многими исследователями характеризуется как аграрно-индустриальное, что говорит о незавершенности данного процесса.

Середину XIX века Россия встретила в виде абсолютной, самодержавной монархии. Базовые черты последней в полной мере сложились в Российском государстве ещё при Петре I [18, с. 182-183]. В дальнейшем, начиная с царствования Екатерины II, русские императоры пытались поставить себя в определённые законодательные рамки [16]. В целом, в пореформенный период данная тенденция была продолжена, хотя она и носила крайне нестабильный характер.

Ярким доказательством является проведение судебной реформы 1864 г. Следует сказать, что до данной реформы в России существовал сословный суд, необходимость трансформации принципов функционирования которого уже ощущалась в царствование Александра I. Однако никаких существенных изменений в этой сфере в первой половине XIX в. так и не произошло. Определённый импульс указанному процессу придала отмена крепостного права 1861 г. [7, с. 259].

В результате проведённой реформы российское общество получило бессословный гласный независимый от администрации окружной суд присяжных [Там же, с. 259-261]. Вот как оценивал значение этой реорганизации Б. Н. Миронов: «Благодаря введению новых судебных уставов в 1864 г. усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. До реформы судебные дела нередко поступали на рассмотрение Государственного совета, решались императором и получали форму и

авторитет закона, не будучи законами. Судебная реформа установила новое обеспечение законности в российском государственном строе тем, что гораздо чётче, чем прежде, провела различие между законом и высочайшим повелением в порядке управления» [11, с. 150].

Однако выстрел Д. В. Каракозова в 1866 г. привёл к усилению консервативных тенденций в плане трансформации государственного управления. Касаемо судебной реформы, это означало издание так называемых новелл, которые, в целом, изменили её либеральный характер, когда из ведения судов общей юрисдикции, к примеру, был изъят ряд дел (о литературных и государственных преступлениях).

Под импульсом земской и городской реформ 1864 и 1870 гг. в России активизировалось либеральное движение, основной целью которого было введение конституции и парламентаризма в стране. Итогом стал ряд проектов по созданию законосовещательного органа, наиболее известным из которых явилась так называемая «Лорис-Меликовская конституция». Но убийство Александра II, совершённое Гриневским в 1881 г., окончательно заставило нового императора Александра III перейти к реакционному политическому курсу, называемому «контрреформами». Основную направленность последних определил Манифест о незыблемости самодержавия, увидевший свет в 1881 г. В том же году издаётся Положение об усиленной и чрезвычайной охране, по которому в случае необходимости управление в какой-либо местности могло жёстко контролироваться коронной администрацией и военными властями [Там же, с. 152-153].

Судебная «контрреформа» была проведена при помощи указов 1885, 1887 и 1889 гг., когда ревизии были подвержены принцип несменяемости судей, гласность судебных заседаний, компетенция суда присяжных. Для контроля над крестьянством в 1889 г. было издано Положение о земских участковых начальниках, которыми могли стать только потомственные дворяне, совмещавшие административные, полицейские и судебные функции.

Аналогичную нестабильность можно определить и при формировании основ гражданского общества в пореформенный период. Следует заметить, что его зачатки появились благодаря политике «просвещённого абсолютизма», которая получила своё начало в правление Екатерины Великой и была продолжена в царствование Александра I. В данном случае хотелось бы вновь процитировать Б. Н. Миронова: «Уже в конце XVIII в. у отдельных представителей общественности возникает неудовлетворение, с одной стороны, своей ролью слуги, с другой – деятельностью государства. Эти настроения в первой половине XIX в. крепнут и распространяются, в результате чего в 1840-1860-е гг. значительная часть образованного общества приняла либеральную доктрину, сложившуюся в это время на Западе. Согласно ей, общество имеет право и должно участвовать в управлении государством, так как государь и его правительство не справляются и в принципе не могут с ним справиться без помощи общества, а также потому, что общество таким способом может защитить себя от злоупотреблений власти. Общественность всё настойчивее начинает высказывать пожелание участвовать в государственном управлении, что и послужило одним из факторов проведения земской и городской реформ» [Там же, с. 151]. Доказательством данных слов может служить и активизация общественного движения, проявившаяся в деятельности кружков в 30-40-е гг. XIX века (западники, славянофилы, петрашевцы и т.д.), а также издательского дела – к примеру, свет увидели газета «Колокол» и журнал «Современник». Однако этот процесс был характерен преимущественно для высших слоев населения, «круг интересов крестьянского самоуправления редко выходил за пределы сельских обществ и волостей» [2, с. 110]. Данная цитата характеризует политический менталитет крестьянства уже после проведения реформы местного самоуправления, следовательно, к середине XIX века вряд ли положение вещей было другим.

Создаваемые по земской реформе 1864 г. органы местного самоуправления формировались по итогам куриальных выборов, что придавало им такую важную особенность, как всесословность. По указанной реформе формировались губернские и уездные земские собрания, собиравшиеся раз в год, а при необходимости и чаще, и концентрировавшие в свои руках распорядительные функции, и губернские и уездные земские управы, действовавшие на постоянной основе и осуществляющие исполнительные функции. В их компетенцию входили вопросы народного образования, медицинской помощи, сельского хозяйства, торговли и промыслов, а также нужды местного населения в рамках уездов и губерний [7, с. 258].

В данном русле следует рассматривать и издание новых университетского (1863 г.) и цензурного (1865 г.) уставов. Первый восстановил университетскую автономию, введённую в 1804 г. Второй давал возможность обществу контролировать администрацию через прессу на основе принципа гласности. Однако крен, вызванный покушением Каракозова, стал сказываться и при создании основ гражданского общества.

Городовое положение 1870 г. носило менее либеральный характер, по сравнению с земской реформой. Принцип всесословности был нарушен, так как в основу выборов в городские думы была положена прусская классовая система. Структура органов городского самоуправления напоминала в своей основе базовые элементы земского: выборным путем должны были формироваться городские думы, которые осуществляли распорядительные функции и из своего состава выбирали членов городских управ, концентрировавших в своих руках исполнительные. Самостоятельность при решении различных вопросов у новых органов городского самоуправления была очень ограниченной [Там же, с. 294-296].

«Контрреформы» Александра III продолжили установившуюся консервативную тенденцию через усиление цензуры в 1882 г., сокращение университетской автономии в 1884 г., перегруппировку сил в органах земского и городского самоуправления согласно изменению избирательных цензов по положениям 1890 и 1892 гг. Но нельзя не согласиться в данном случае с Б. Н. Мироновым, оценившим внутреннюю политику Александра III следующим образом: «...при Александре III была сделана попытка затормозить развитие государственности в сторону правового государства с конституцией и парламентом. Однако консервативный политический курс не изменил ни характера русской государственности, ни главной тенденции её

развития – государство продолжало эволюционировать, хотя и медленнее, чем в предшествующее царствование, в сторону конституционной монархии, а общество – в сторону гражданского общества» [11, с. 154].

Таким образом, следует сделать вывод о продолжении политической модернизации в России в русле тенденции, заложенной Екатериной II. Фактически преобразования российских императоров на протяжении всего XIX века вели к формированию основ правового государства, но этот процесс имел место только де-юре. Де-факто Российская империя по-прежнему продолжала оставаться абсолютной монархией. Сословные преобразования XVIII – первой половины XIX века сказывались на политическом менталитете высших слоев российского общества, что подталкивало русских императоров к созданию условий для формирования гражданского общества, но это процесс носил очень сложный и продолжительный характер.

Модернизация России в духовной сфере проходила в XVIII – первой половине XIX века лишь частично и касалась в большей степени дворянства. В результате реформ Петра I, а также его преемников в периоды «дворцовых переворотов» и «просвещенного абсолютизма» система ценностей дворянского сословия серьёзно эволюционировала на пути возникновения мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях. Последние связаны в первую очередь с главными установками либерализма. Именно этим можно объяснить изменения в политическом менталитете дворянства, которые нами уже отмечались выше.

Само понятие «менталитет» начало складываться ещё в XIV веке и в широкий оборот было введено представителями «Школы Анналов». Многочисленные дефиниции, даваемые этому термину, приводят к выводу, что оно носит междисциплинарный характер. Менталитет можно определить как совокупность ценностных установок и образа мышления людей, сложившихся под воздействием окружающих культурно-цивилизационного и природного пространств и определяющих их поведение [20, с. 252]. Именно поэтому процессы модернизации в духовной сфере влияют в первую очередь на указанные главные компоненты ментальности.

К середине XIX века в Российской империи наметилось чёткое духовное разделение между высшими и низшими слоями населения: «В настоящее время уже не является дискуSSIONным тот факт, что в постпетровской России образовались два мира, две системы, две социальные структуры с разными правилами поведения, которые самовоспроизводились и ужесточались в этом самовоспроизводстве, две социальные сети, порождающие различный обобщественный корпус знаний и представлений, две разные коммуникационные системы, формировавшие разный уклад жизни» [9, с. 49].

Однако менталитет низших слоев населения – крестьянства и горожан – остался к моменту отмены крепостного права в неизменном варианте по сравнению с предыдущими периодами. Их духовный мир по-прежнему определялся следующими установками: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), монархизм, общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами [6; 13, с. 91-102].

Вторая половина XIX века стала вносить в эти ментальные установки свои, хоть и незначительные, коррективы. Б. Н. Миронов выделяет три причины, по которым изменения стиля мышления и соответствующих образцов поведения происходили крайне медленно. В первую очередь им отмечается определённая инерционность, имеющая место при различных трансформациях менталитета. С другой стороны, русская интеллигенция второй половины XIX века через литературные произведения и серьёзные периодические издания консервировала традиционный менталитет русского населения. В дополнение к вышесказанному следует отметить существенный уровень сопротивления низших слоев населения «проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду» [10, с. 337].

Здесь необходимо обозначить и ещё один фактор, значительно замедляющий трансформацию ментальных установок низших слоев населения: не только городской образ жизни и стиль мышления влияли на крестьянскую среду, но и усилившийся процесс урбанизации нес в город образцы сельского быта, стиля жизни и системы ценностей [Там же, с. 340-345]. Тем не менее, Б. Н. Миронов даже при всех указанных условиях намечает пусть и медленные, но всё же развивающиеся тенденции в изменении менталитета низших слоёв населения: «В результате реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчётливости, индивидуализма» [Там же, с. 332]. Однако указанные трансформации носили в целом зачаточный характер.

Таким образом, модернизация России и в пореформенный период продолжала соответствовать общим тенденциям, намеченным в XVIII – первой половине XIX века. Военный фактор, и в частности Крымская война 1853-1856 гг., по-прежнему играл роль «Вызова» к российской (славянской) цивилизации при построении основ индустриального общества. Быстрыми темпами проходили модернизационные процессы в экономической сфере, однако к ним добавилась ещё и социальная модернизация, выразившаяся в росте социальной мобильности и урбанизации. Основы построения правового государства и гражданского общества имели преимущественно формальный характер (важной причиной, замедлившей этот процесс, были различные проявления социальных и революционных конфликтов). Складывание мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях, через установление либеральных установок находилось лишь только в стадии становления. В итоге следует констатировать сохранение неорганичного характера российской модернизации, что требовало появления новых «Вызовов», которыми стали в начале XX века русско-японская и Первая мировая войны.

Список литературы

1. **Ахсянов А. В.** Волны российских модернизаций XVIII-XX вв. [Электронный ресурс] // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Барнаул, 17-19 июля 2011 г.). URL: <http://www.altstu.ru/media/f/modern.pdf> (дата обращения: 17.04.2013).

2. Двухжилова И. В. Социальный состав Тамбовского земства (1865-1890 гг.): монография. Тамбов, 2003. 140 с.
3. Ермолина Л. А. Проблемы модернизации современного российского общества [Электронный ресурс] // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Барнаул, 17-19 июля 2011 г.). URL: <http://www.altstu.ru/media/f/modern.pdf> (дата обращения: 17.04.2013).
4. Ионова Е. А. Причины антимодернизации в России в 90-е гг. XX века [Электронный ресурс] // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Барнаул, 17-19 июля 2011 г.). URL: <http://www.altstu.ru/media/f/modern.pdf> (дата обращения: 17.04.2013).
5. Керсновский А. А. История русской армии: в 4-х т. М.: Голос, 1992. Т. 2. 336 с.
6. Кожевникова Л. М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85-90.
7. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высш. шк., 1993. 446 с.
8. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40-56.
9. Кульпин Э. С. Эволюция российской ментальности. Два субэтноса // История и современность. 2008. № 2. С. 34-54.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 2. 568 с.
12. Модернизация России и Европа [Электронный ресурс]: материалы круглого стола, проведенного 18.03.2004. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 17.04.2013).
13. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000. 416 с.
14. Самохин К. В. Многоликая война // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 81-83.
15. Самохин К. В. Модернизация, Первая мировая война и Россия // Гуманитарные науки: проблемы и решения: межвузовский сборник научных статей / под ред. А. А. Слезина. СПб.: Нестор, 2006. Вып. 4. С. 156-180.
16. Самохин К. В. Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/samokhin.pdf> (дата обращения: 17.04.2013).
17. Самохин К. В. Процессы российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 11 (19). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/samokhin.pdf> (дата обращения: 17.04.2013).
18. Самохин К. В. Северная война: первый опыт российской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 2. С. 180-185.
19. Самохин К. В. Социальная модернизация России во второй половине XIX – первые годы XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31). Ч. 2. С. 168-172.
20. Самохин К. В. Трансформации крестьянского менталитета в годы Первой мировой войны (на материалах Тамбовской губернии) // Первая мировая война: поиски подходов к исследованию, приглашение к диалогу: доклады Академии военных наук (военная история). Саратов, 2006. № 5 (23). С. 249-255.
21. Тимошина Т. М. Экономическая история России: учебное пособие. М.: Информационно-издательский дом «Филинъ»; Юридический дом «Юстицинформ», 2001. 432 с.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье показано, что повседневная жизнь молодежи в 1918-1929 гг., в частности ее участие в спортивно-массовых мероприятиях, все шире и настойчивее вовлекалась в сферу влияния советского политического контроля. Автор связывает это, прежде всего, с установлением монополии комсомола в движении молодых физкультурников. Отмечено также, что занятия спортом политизировались, все больше подчиняясь задачам подготовки к грядущей войне.

Ключевые слова и фразы: комсомол; молодежь; политический контроль; повседневность; физкультура; спорт.

Скоропад Алексей Эдуардович

Тамбовский государственный технический университет

alexey_skoropad@mail.ru

РАЗВИТИЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА КАК ОБЪЕКТ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ[©]

Как политическую задачу в комсомоле с самых первых лет его существования рассматривали развитие физкультуры и спорта.